

Пушкин А.С.
(попытки)

09.06.05

история шедевра

Памятник Пушкину оставался нерукотворным во все время николаевского царствования — идея воздвигнуть монумент поэту наталкивалась на решительное сопротивление царя. Чем старше он становился, тем с большим неудовольствием вспоминал Пушкина.

Под конец жизни император отзывался о поэте с откровенной ненавистью, всячески преувеличивая его легкомыслие и порочность, и ни о каком увековечении его личности слышать не хотел. Значительная часть сочинений — включая «Медного всадника» — печаталась изуродованной. Только в 1860 году тогдашний директор лицея Миллер выступил с инициативой создания монумента великому выпускнику: поставить его предполагалось сначала в Царском Селе, потом — в Петербурге, но тут заявила свои права древняя столица, где поэт вообще-то родился. Срочно создали комитет во главе с академиком Гротом, Александр II одобрил идею, и это сделало знаком очередной либеральной оттепели. Объявили подписку, но жертвовали не щедро: так, чиновники цензурного ведомства, которое столько крови испортило живому Пушкину, на Пушкина медного собрали всего 9 рублей. Обращаться за помощью к правительству члены комитета демонстративно не желали: народный поэт должен был получить народный памятник. Обратились в газеты. После этого дело пошло бойчее — к 1870 году было собрано уже около ста тысяч рублей и можно было объявлять конкурс на лучший проект.

Выставка проектов состоялась только три года спустя — в тогдашней России все делалось медленно и основательно. Представлены были 15 моделей, и все они, как и предполагалось, вызвали дружное неодобрение публики и критики. Стасов издева-

фото Сергея Жабина

Под ним до сих пор назначают свидания

тельски писал одному из своих корреспондентов: «Забелло хорош, Антокольский тоже, но Опекушин превзошел всех и вся. Боюсь говорить: неприлично выражусь!» Комиссия, однако, отметила именно проект Опекушина и работу Забелло, а скромный памятник работы знаменитого Марка Антокольского показался ей чересчур камерным (там Пушкин в задумчивости сидел на скамье, вроде бы в Михайловском). Александр Опекушин, сам себя выку-

Медный пешеход

Почему памятник Александру Сергеевичу перешел на другую сторону улицы

пивший из крепостного рабства, был скульптором, безусловно, одаренным, но чересчур помпезным. В первом варианте его работы Пушкин (оставшийся, кстати, почти неизменным) спускался к публике по скале, уставленной, подпертой и увитой его персонажами — в диапазоне от Онегина до русалки, сидящей на ветвях. Эскиз производил и в самом деле смехотворное впечатление. К чести комиссии, она сумела опенить саму фигуру Пушкина — важного, печального и задумчивого, хотя в большинстве монументов он был представлен вдохновенно читающим стихи либо простирающим руку к потомкам.

К 1880 году такая печальная задумчивость стала вполне актуальна — период либеральных реформ кончился, и все тот же Александр II аккуратно закручивал гайки. Опекушин закончил памятник к весне (архитектором был В. Петров). Он планировал установить его так, как он стоит теперь — лицом к Тверскому бульвару, но тогда получилось бы, что Пушкин стоит спиной к собору Страстного монастыря, что было не вполне прилично. Пушкина поставили на площади, которая в честь монастыря и называлась Страстной, лицом к монастырю (на той стороне, где сегодня «Макдоналдс»).

Открытие памятника при огромном стечении народа состоялось в день рождения поэта, 26 мая по старому стилю 1880 года. Сначала отслужили панихиду по рабу Божьему Александру в соборе Страстного монастыря, потом торжественно зачитали акт о передаче памятника в собственность Москвы — Пушкина принял городской голова Третьяков, и ровно в двадцать минут первого с 11-

метрового памятника упало покрывало. Толпа неистовствовала, «ура!» гремело по всему Тверскому, Тургенев и Достоевский читали речи в Колонном зале Благородного собрания — и Достоевский вызвал своей речью такие восторги, каких в Колонном зале с тех пор не видывали. Овация продолжалась сорок пять минут, а лавровый венок, который дамы поднесли творцу «Карамзовых», он ночью отвез на извозчике к пьедесталу Пушкина.

Отношение к памятнику было у москвичей разное — одним он нравился, другим казался чересчур массивным и торжественным, никак не похожим на Пушкина — стремительного и подвижного как ртуть. Тем не менее он быстро стал важным нервным центром жизни города: к нему водили гулять детей из окрестных домов, под ним назначали свидания, на его цепях любили раскачиваться прохожие (присаживаться под сень памятника, дабы передохнуть и покачаться на цепях, не возбранялось, — именно на них Есенин и Багрицкий на спор сочиняли экспромты, соревнуясь, кто быстрее). Пушкин простоял на своем прежнем месте до 1950 года без всяких изменений — разве что сразу после революции перебили надпись на постаменте: были сбиты строчки из «Памятника» в подцензурной редакции Жуковского и восстановлен исконный пушкинский вариант. Прежде надпись читалась: «И долго буду тем народу я любезен, что звуки новые для песен я обрел, что прелестью живых стихов я был полезен и милосердие воспел». Что там сейчас написано, каждый знает, а если не знает — пусть сходит и посмотрит. Или хоть в книжку

заглянет. Подмену Жуковского Цветаева справедливо называла «человечески-постыдной и поэтически-бездарной», поскольку подмена эта вводила в поэзию Пушкина принципиально враждебное ей понятие «пользы», которую он называл при жизни не иначе как «презренной».

В 1937 году Страстной монастырь снесли, а площадь — к столетию гибели Пушкина — переименовали. Тогда до переноса памятника руки не дошли, но в ночь с 13 на 14 августа 1950 года за шесть часов памятник переставили на противоположную сторону улицы. Старые москвичи долго не могли к этому привыкнуть и знать не желали, что теперь монумент стоит в соответствии с опекушинским замыслом. Поэт Георгий Шенгели написал по этому случаю горькие стихи: «Вот взяли, Пушкин, вас и переставили. В ночном дожде звенел металл — не ямб ли скорбел, грозя? Нет! Попросту поправили одну деталь в строительном ансамбле». Дальше говорилось о том, что прежний Пушкин смотрел на восток, в сторону, куда отправили сосланных декабристов: «Вам не пришлось поехать к ним. Подальше отправил вас блистательный убийца. Теперь глядеть вам в сторону Италии, где бог-насмешник не дал вам родиться».

Но Москва привыкла и к новому положению Пушкина. Под ним по-прежнему назначаются свидания, возле него проходят ежегодные пушкинские праздники.

Для кого-то медный Пушкин — деталь городского пейзажа, а настоящий Пушкин у каждого свой, и дарить ему цветы необязательно. Достаточно помнить.

■ Дмитрий Быков.

Собеседник - 2008 - 9 мая - с. 19